

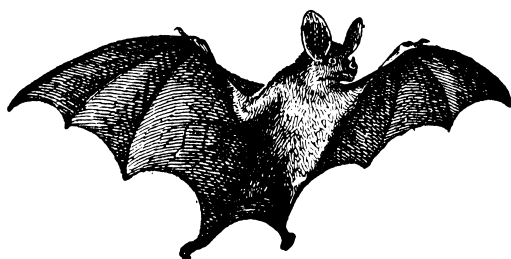
FAREED ZAKARIA

TEN LESSONS
FOR

A POST-PANDEMIC WORLD

ЗАКАРИЯ ФАРИД

ЭФФЕКТ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ

УДК 327
ББК 66.4
3–18

TEN LESSONS FOR A POST-PANDEMIC WORLD

Copyright © Fareed Zakaria, 2020. Все права защищены.

Печатается с разрешения The Wylie Agency (UK) Ltd.

No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, scanning, or otherwise, without the prior written permission of the publisher.

Закария, Фарид.

3–18 Эффект летучей мыши. 10 уроков по современному мироустройству помимо черных лебедей / Фарид Закария ; [перевод с английского]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 288 с.

ISBN 978–5–17–147126–2

Каждый из нас может представить себе серьёзные угрозы, с которыми человечество уже сталкивалось в прошлом, какими бы маловероятными они ни казались. Подумайте о тех изменениях, которые мы внесли в свою жизнь в ответ на различные кризисы.

В книге «Эффект летучей мыши: 10 уроков по современному мироустройству помимо черных лебедей» рассказывается о мире, который формируется в условиях кризиса, пандемий и других угроз, и — что ещё более важно — об общественной реакции на эти новые реалии. Критические ситуации дают нам возможность для перемен и реформ. И нам решать, воспользоваться ли этой возможностью или упустить её. Однако политические, социальные, технологические и экономические уроки необходимо усвоить прямо сейчас.

Фарид Закария — американский политолог, писатель и телеведущий индийского происхождения. Он является одним из наиболее влиятельных экспертов в области международных отношений, внешней политики США и вопросов глобализации. Его работы отличаются глубоким анализом современных политических процессов, а также критическим подходом к изучению роли США в мировой политике.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–17–147126–2

© Закария, Ф., текст, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2024
© Захватова О., перевод.

Посвящается Роузам: Дэну, Джоанне, Гидеону

Грядущее молчит —
Но тут не немота —
Немой бы жестом намекнул,
Что будет и когда —

Оно ж томит, пока
Событье не созреет —
И сразу предьявляет факт —
Кто ускользнуть успеет?¹

Эмили Дикинсон

¹ Перевод Александра Грибанова.

ВВЕДЕНИЕ

ЭФФЕКТ

ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ

«Знаменитая на весь мир сфера с шипами» — под таким названием вышла статья в американской газете *The New York Times*. В конце января дизайнеры Алисса Экерт и Дэн Хиггинс из Центра по контролю и профилактике заболеваний впервые получили задание по созданию изображения нового коронавируса. Впоследствии Экерт объяснила в интервью для *Times*: «Мы искали нечто особенное: что-то, что привлекло бы внимание общественности». В конечном итоге поиски увенчались успехом: на свет появилось изображение серебристой сферы с ярко-малиновыми шипами. А немного погодя это будоражащее умы изображение уже мелькало повсюду: от газет и журналов до телевизионных новостей. Вполне вероятно, что даже сейчас, думая о коронавирусе, вы представляете себе ту самую модель. В несколько мрачном мире профессиональных медицинских художников подобная техника известна

как «парадный снимок» — крупный план одной вирусной частицы, благодаря которому она выглядит не только грозной, но и большой. Стоит заметить, что на самом деле размер коронавируса составляет примерно 1/10000 часть от размера точки, которой заканчивается это предложение.

Довольно часто нас призывают к *масштабному* мышлению. Но что, если настало время присмотреться к деталям? Каждый из нас способен представить крупные, серьёзные, ранее знакомые человечеству угрозы, какими бы маловероятными они ни казались. Возьмём, к примеру, военные вторжения. В ответ на подобные риски планируются столь же масштабные меры: правительства тратят триллионы долларов на формирование вооружённых сил, отслеживание передвижения армий и проведение военных игр против потенциальных противников. Одни только Соединённые Штаты ежегодно выделяют на оборонный бюджет почти три четверти триллиона долларов. Но как бы парадоксально это ни звучало, мы оказались совершенно не готовы к защите от крошечной вирусной частицы. Не исключено, что она нанесёт человечеству самый большой экономический, политический и социальный урон со времён Второй мировой войны.

Книга, которую вы держите в руках, рассказывает не о пандемии как таковой, а, скорее, о мире, формирующемся на её фоне, и — что ещё более важно — о реакции общества на новые реалии. Любое серьёзное потрясение неизбежно приводит к последствиям. Те, в свою очередь, зависят от самых разнообразных факторов, начиная с состояния мира на момент кризиса и заканчивая реакцией людей (страх, отрицание, адаптация). Что касается нового

коронавируса, то глобальность его воздействия обусловлена глубокой взаимосвязью между странами, неготовностью большинства государств к пандемии и беспрецедентной остановкой функционирования обществ и экономик, в том числе в богатейших странах мира.

Книга посвящена «постпандемийному миру» отнюдь не потому, что коронавирус остался позади, а по той причине, что человечество преодолело некий рубеж. В последнее время всё живое на планете оставалось в стороне от опасных эпидемий — так было до тех пор, пока наш мир не столкнулся с угрозой. Теперь же мы на собственном опыте выяснили, что такое пандемия и как сложно и затратно ей противодействовать. Возможно, пандемия COVID-19 и затянется, но, даже если её искоренят, в будущем почти наверняка появятся новые вспышки других заболеваний. Получив знания и опыт, мы теперь живём в совершенно новой эпохе — постпандемийной.

В чём же выражаются последствия пандемии коронавируса? Одни предполагают, что COVID-19 станет поворотным событием современной истории, моментом, который навсегда изменит её ход. Другие считают, что после вакцинации мы быстро вернёмся к привычному образу жизни. Кто-то полагает, что эпидемия не столько изменит ход истории, сколько его *ускорит*. Последний сценарий представляется наиболее вероятным. Однажды В. И. Ленин сказал: «Бывают десятилетия, когда ничего не происходит, а бывают недели, когда происходят десятилетия». Во многом существование в постпандемийном мире будет похоже на ускоренную версию привычного образа жизни. Однако здесь кроется подвох: когда вы переходите на ускоренный режим, события пе-

рестают развиваться естественным образом, что чревато разрушительными и даже роковыми последствиями. Рассмотрим пример. В 1930–х годах многие развивающиеся страны модернизировались умеренными темпами, переводя людей из сельского хозяйства в промышленность. В то же время Советский Союз решил значительно ускорить процесс. Это решение — коллективизация сельского хозяйства — привело к голоду, «ликвидации» миллионов крестьян, ужесточению диктатуры и деформации советского общества. Отсюда напрашивается вывод: находясь под действием «стероидов», мир подвергается риску столкновения с непредсказуемыми побочными эффектами.

Постпандемийная жизнь стран, компаний и людей — *особенно людей* — сложится по-разному. Даже если экономические и политические составляющие сумеют вернуться к привычному функционированию, люди уже никогда не станут прежними. Пройдя через необычные и достаточно сложные испытания, человечество осознало, каким непомерным трудом достаются новые возможности. Пережив «испанку», герой романа Уильяма Максвелла «Возвращение ласточек», написанного в 1937 году, испытывает глубокое ошеломление, ведь ни он, ни кто-либо другой даже не думал, что жизнь настолько перевернётся. Когда невзгоды наконец минуют, мы сталкиваемся с «мертвенно-холодным светом завтрашнего дня», как выразилась писательница Кэтрин Энн Портер в своей полуавтобиографической повести 1939 года «Белый конь, бледный всадник», посвящённой выживанию в той же пандемии. Последняя строка гласит: «Теперь для всего найдётся время».

Эпидемия влечёт за собой последствия

Вспышку эпидемии стоило предвидеть. Пусть коронавирусная инфекция и стала для мира новинкой, но пандемия — точно нет. Даже западная литература начинается с одной из них. В первых стихах «Илиады» Гомера греческие войска подвергаются мору — то была божественная кара, ниспосланная на их предводителя, тщеславного, скупого и вздорного царя Агамемнона. Первое и одно из значимых сочинений исторической прозы тоже связано с эпидемией. В «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида описывается длительный конфликт между двумя сверхдержавами эпохи — Афинами и Спартой. В начале войны, пишет Фукидид, по Афинам пронеслась страшная чума, повлёкшая за собой смерть огромного количества трудоспособных граждан и — что особенно важно — несравненного лидера города-государства Перикла. Обе стороны придерживались разных политических систем: Афины являлись демократическим государством, в то время как Спартой управляло суровое сообщество воинов. В конечном счёте Спарта одержала победу, чему, собственно, и поспособствовала чума. В противном случае Афины могли победить, и история Запада пошла бы иным путём: демократия стала бы успешным примером для подражания, а не пламенем, которое ярко вспыхнуло, но быстро угасло.

Любая пандемия влечёт за собой последствия. Ярчайшим примером является эпидемия бубонной чумы, вспыхнувшая в Центральной Азии в 1330-х годах и распространившаяся на Европу в следующем десятилетии.

Один средневековый летописец обвинил монголов в том, что те занесли болезнь на континент, запустив заражённые трупы в гемузскую крепость при помощи катапульты — первого биооружия. Впрочем, существует и более правдоподобная версия: распространению поспособствовала международная торговля и задействованные в ней караваны и корабли, которые везли товар с Востока в такие крупные порты, как Мессина на Сицилии и Марсель во Франции. Чума, также называемая Чёрной смертью, переносилась блохами на спинах крыс и поражала лимфатическую систему жертв, вызывая страдания и смерть в невиданных масштабах. В результате той страшной эпидемии погибло до половины населения Европы. Более того, бубонная чума, как и многие другие заболевания, так до конца и не исчезла: Всемирная организация здравоохранения по-прежнему сообщает о нескольких сотнях случаев заболеваний в год. Единственный положительный момент заключается в том, что в наши дни болезнь лечится антибиотиками.

Бубонная чума имела катастрофические последствия. Учёные считают, что при столь огромном количестве смертей экономика того времени перевернулась с ног на голову. Как объясняет австрийский историк Уолтер Шайдель, вследствие эпидемии изменилась относительная стоимость земли и труда. Рабочие получили больше возможностей для заключения сделок, в то время как доходы наиболее богатых граждан упали. В результате мощного удара по «экономическому неравенству» в большей части Западной Европы исчезло крепостное право. Важно отметить, что в разных странах последствия эпидемии довольно разнились и зависели от эко-

номической и политической системы конкретного государства. В некоторых странах, принявших репрессивные меры, неравенство только усугубилось. Представители знатных сословий в Восточной Европе использовали бедствия и беспорядки с целью укрепления своих позиций и внедрения рабства.

Помимо материальных последствий чума привела к интеллектуальной революции. Многие европейцы XIV века ставили под сомнение укоренившиеся иерархии, искренне не понимая, почему Господь допустил существование ада на земле. Эти настроения в значительной степени повлияли на выход Европы из средневековой депрессии и положили начало эпохе Возрождения, Реформации и Просвещения. Так из смерти и ужаса возникли научные достижения, развитие и прогресс. К счастью для нас, COVID-19 не вызвал настолько масштабную смертность. Тем не менее здесь назревает вопрос: а способна ли пандемия *нашей* эпохи пробудить дух социальной интроспекции и развеять излишнюю самоуверенность?

Американский историк Уильям Макнил, автор исторического исследования «Эпидемии и народы», обратился к эпидемиологии в попытке объяснить одну из загадок: почему небольшому количеству европейских солдат удалось так быстро завоевать и обратить в свою веру миллионы людей в Латинской Америке? (Испанский завоеватель Эрнан Кортес, как известно, имея в своём отряде всего 600 бойцов, противостоял миллионной империи ацтеков.) Ответ на вопрос, по мнению Макнила, крылся именно в эпидемии. Испанцы принесли с собой не только современное оружие, но и такие болезни, как

оспа, к которой у них выработался иммунитет, а у ацтеков — нет. Оценка числа погибших в результате последующих вспышек эпидемии просто поразительна: от 30% населения в начале до 60–90% в течение шестнадцатого века — в общей сложности десятки миллионов человек! Стоит принять во внимание и психологические последствия болезни, которая убивала индейцев, но не наносила вреда испанцам. Подобную избирательность, по предположению Макнила, ацтеки объясняли сверхъестественными причинами и поклонением иностранцев могущественным богам. Что ж, данная версия вполне объясняет, почему многие из них подчинились испанской власти и приняли христианство.

Мы до сих пор храним память об испанском гриппе, который разразился в разгар Первой мировой войны и унёс жизни почти 50 миллионов человек — что более чем в два раза превышает число погибших в ходе боевых действий! (Болезнь назвали «испанкой» не потому, что она вспыхнула в Испании, а потому, что эта страна не вводила цензуру на новости, так как не принимая участия в войне. В результате активного информирования населения зародилось мнение, что беда пришла именно из Испании.) Совершенно очевидно, что с начала XX века наука сделала огромный шаг вперёд. Но на момент эпидемии 1918–1919 годов вирусов ещё никто не видел воочию и тем более не знал, как лечить новую инфекцию: ни электронные микроскопы, ни противовирусные препараты ещё не изобрели. И тем не менее три наиболее важных рекомендации органов здравоохранения того периода — социальное дистанцирование, маски и мытьё рук — остались и в наше время тремя из четырёх наиболее

важных механизмов, которые замедляли распространение коронавируса, пока вакцина находилась в разработке. Четвёртый — регулярное тестирование — стал единственным современным дополнением.

В последние десятилетия вспышки атипичной пневмонии, MERS, птичьего гриппа, свиного гриппа и Эболы распространялись быстро и повсеместно, в связи с чем многие эксперты высказали опасения по поводу назревающей крупномасштабной пандемии. Впрочем, и общественность в стороне не осталась. Так в 1994 году в бестселлере Ричарда Престона «Горячая зона» появилось подробное изложение происхождения вируса Эбола, а в фильме «Заражение» 2011 года, вдохновлённом эпидемией SARS2002–2003 и пандемией свиного гриппа 2009 года, описан вирус, унёсший 26 миллионов жизней по всему миру. В 2015 году Билл Гейтс выступил на *TED Talk* с предупреждением: «Если что-то и убьёт более 10 млн. человек в течение следующих нескольких десятилетий, то это, скорее всего, будет высокоинфекционный вирус». В 2017 году он ещё громче забил тревогу, предсказав в своей речи на Мюнхенской конференции по безопасности вероятность возникновения такой пандемии в ближайшие десять–пятнадцать лет.

Уже тогда люди понимали, что эпидемии имеют свойство возвращаться, поэтому настаивали на необходимости инвестирования времени, ресурсов и энергии в их предотвращение. В июне 2017 года, когда президент Дональд Трамп предложил сократить бюджет в ключевых агентствах, занятых вопросами общественного здравоохранения и распространения заболеваний, я посвятил этой теме сегмент своего шоу на *CNN*, сказав: